

Е.К. Волконская,
кандидат юридических наук,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России

АГРЕССИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

AGGRESSION: CRIMINOLOGICAL ASPECTS

На основе анализа феномена агрессии исследуется природа насилия. Обосновывается, что агрессия — это намеренное воздействие (или его игнорирование) на живые или неживые объекты с целью причинения им вреда. Агрессивное поведение является насилием. Рассмотрено понятие агрессивности как устойчивого свойства личности, группы, нации, государства, идеологии, эпохи.

On the basis of analysis of the phenomenon of aggression nature of violence is investigated. Grounded, that aggression is this intentional affecting (or his ignoring) living or lifeless objects with the purpose of infliction to them harm. Aggressive behavior is violence. The concept of aggressiveness is considered as steady property of personality, group, nation, state, ideology, epoch.

Вопросам агрессии посвящено достаточное количество работ: биологов, антропологов, этнографов, социологов, психологов, психиатров, юристов. По мере развития научной мысли о человеке развивались и учения об агрессивности — изменялись существующие и появлялись новые теории.

Первые научные размышления об агрессии характеризовали ее как инстинкт. Такой биологизированный подход связан с характерным для ученых XIX в. пониманием человеческого поведения как одной из форм поведения животных. Впервые Ч. Дарвин, идея которого о борьбе за существование часто механически переносилась на процессы, происходящие в человеческом социуме, исследовал эмоции, сопутствующие агрессии и играющие определенную роль в генезисе агрессивного поведения, — гнев, презрение, раздражительность, зависть [16].

Затем агрессия — ее природа и функции — стала самостоятельным предметом исследований, но еще в рамках «социалдарвинизма», рассматривающего поведение людей по аналогии с животным миром. Поэтому К. Лоренц изначально под агрессией понимал необходимый биологический импульс, развивающийся в результате эволюции в целях выживания индивида и вида [17]. Верно, что в каждом человеке заложен агрессивный инстинкт как готовность к атаке в ситуации, когда возникает угроза жизни. В этом случае биологически обусловлены действия, направленные на устранение опасности или ее причины. Концентрируясь только на биологической природе агрессии, Лоренц пришел к ошибочному выводу о том, что деструктивные силы, к которым он относил жажду мучить и убивать, являются следствием превращения в них защитной, биологически обусловленной агрессии под

воздействием ряда различных факторов. Но кровопролитная история человечества, глобальные масштабы насилия являются свидетельством того, что человеческая агрессивность проявляется далеко не лишь в силу жизненно опасных ситуаций и притом не только на уровне, необходимом для собственной защиты (в пределах устранения опасности или ее причины). Следует понимать, что источник агрессивного поведения коренится не только в биологической сущности человека. Агрессивный импульс имеет и социальную природу. К настоящему времени сугубо биологическое объяснение агрессии носит локальный характер и не разделяется подавляющим большинством ученых.

О врожденной природе агрессивности писали и психоаналитики. В 20-е годы XX века З. Фрейд выдвинул теорию, согласно которой в человеке врожденно сосуществуют страсть любви («инстинкт жизни») и страсть разрушения («инстинкт смерти»), обе служащие делу физиологического выживания. Тем самым Фрейд придал деструктивности столь серьезное значение, что она была признана одной из двух фундаментальных человеческих страстей. Инстинкт жизни и инстинкт смерти находятся в постоянной борьбе, но при любом ее исходе поражение терпит человек. Когда агрессия выплескивается вовне, это приводит к уничтожению культуры и варварству; если действует на внутренней арене — к самодеструкции; если подавляется — к неврозу [12]. Однако полагаем, что агрессия как страсть (очень стойкое аффективное стремление разрушения) биологически не запрограммирована в человеке. Опираясь в том числе на исторические свидетельства поступательных тенденций роста и ужесточения насилия на протяжении челове-

ской истории, считаем, что деструктивность и жестокость (как влечения мучить и убивать ради удовольствия) стали характерной чертой личности, свойственной пусть не каждому индивиду, но представителям именно социума, в то время как у животных они отсутствуют.

Так, страстное увлечение римлян гладиаторскими боями, наблюдение за которыми и ощущение причастности к участи побежденного (останется ли он в живых или будет убит) доставляли им бесконечное удовольствие; решения Талат-паши о многомиллионных убийствах армян, Гитлера — об убийствах евреев, Сталина — об убийствах своих политических противников — принимались ими с ощущением глубокого удовольствия. Это доказывает присутствия человеческой природе деструктивности, причем в самых жестоких формах (садизм и некрофилия). За всю свою историю человечество накопило неисчерпаемый потенциал разрушения, постоянную готовность к агрессии. «История человечества дает картину невероятной жестокости и деструкции, которая явно во много раз превосходит агрессивность его предков» указывает Э. Фромм [13. — С. 240].

Полагаем, что посредством архетипических механизмов человеческий опыт деструктивного и жестокого поведения, возникший в силу специфических условий человеческого существования на определенном этапе развития общества и повторяющийся из поколения в поколение, стал закрепляться на коллективном бессознательном уровне психики человеческого рода. Так, Ю.М. Антонян указывает на архетипический характер человеческой агрессии, имеющей свои глубинные мифологические прообразы (первообразы); в коллективном бессознательном личность постоянно черпает силы для зла и насилия, точно так же, как и для добра и альтруизма [3. — С.155].

Появление архетипа как единицы коллективного бессознательного можно понять, обратившись к рассуждениям Ю.М. Антоняна о зарождении коллективного бессознательного: «В "самом-самом начале" человек был как бы растворен в некоем бессознательном, которое еще нельзя назвать коллективным, а также в природе и первобытной орде, отнюдь не ощущая себя личностью. Думается, что как раз личность, пусть, так сказать, первоначальная, пусть еще только крепнущая, психологически еще совсем не автономная, закладывала основы того, что мы теперь называем коллективным бессознательным» [3. — С. 156]. Коллективное бессознательное есть невоспоминаемое прошлое (или невоспоминаемый опыт) всего человечества; оно вытесняется из общественного сознания в силу своего болезненного характера либо неактуальности, даже ненужности в данный момент, а также в силу постоянного отделения из общественного сознания некоторых универсальных, всеобщих, т.е. наибо-

лее важных, образов, идей, ценностей, категорий, которые переносятся на какой-то высший, абстрактный уровень, где, в принципе, могут быть доступны всем [3. — С. 154].

Архетипы, в свою очередь, есть универсальные модели или устойчивые мотивы, образы и идеи, возникающие из коллективного бессознательного. Ю.М. Антонян определяет архетип как «отдельную коллективную психологическую установку, включающую в себя ценности, мотивы или идеи, это — модели или схемы, носящие абстрактный характер, но приобретающие конкретность в той или иной культуре или субкультуре» [4. — С. 61]. Сами по себе архетипы формальны и обретают содержание в случае, когда ими овладевает сознание, но существуют вне воли и сознания человека. Человек не рождается с какими-то архетипами или их сочетанием в психике, он рождается со способностью их воспринять, архетипы усваиваются им в процессе социализации, обретая при этом индивидуализированные черты. Они проявляются в индивидуальных установках и ценностных ориентациях, влечениях и представлениях; они могут появляться в сновидениях, фантазиях, бреде, галлюцинациях.

К. Юнг выделил архетип «Тени» как олицетворяющий темные стороны человеческого «Я». По его мнению, «Тень» ответственна за агрессивные проявления и деструктивные тенденции [14]. Вместе с тем Юнг неоднозначно определял Тень, раскрывая ее содержание как скрытой, подавляемой, по большей части отягощенной виной стороны личности и одновременно как позитивных качеств (нормальные инстинкты, уместные реакции, способность к реалистическому восприятию действительности, творческие порывы и т.д.). Антонян рассматривает Тень как низший (морально проблемный) уровень личности; «коллективная Тень содержит в себе негативный, в частности кровавый, опыт, образы разрушительных действий, которые стали стереотипами, образы и образцы готовых решений в типичных ситуациях, тоже ставших стереотипами и вызывающих впоследствии безусловное нравственное осуждение» [4. — С. 297]. Тень является архетипом и содержит в себе архетипы — образы персонажей и образы действий. Антонян к ним относит мифологические образы сатаны (дьявола, демона), разрушительные ипостаси Великой матери (олицетворенной, в частности, в индийской Кали) или Великого отца (олицетворенного, в частности, в гневном Язье); это повседневные обыденные образы чужого и врага, под которыми человек толпы обычно представляет себе людей иной национальности, языка, культуры, религии, социальной группы; это образы действий, часто принимающие политические формы, например, подавление и уничтожение врагов, подлинных или мнимых, захват чу-

жой земли, принесение жертв, в том числе человеческих и т. д. [4. — С. 298, 299].

Последнее, что необходимо отметить о связи архетипов с человеческой агрессией, это то, что коллективным бессознательным не предопределяется направленность поведения человека, она управляется, контролируется и активно направляется сознанием личности.

Возвращаясь к становлению идей о феномене агрессии, следует отметить, что с развитием общества, его индустриализацией менялся и социальный климат, главным ориентиром в жизни становится разум, а чувства и эмоции представляются излишним балластом. Отсюда смещение научных интересов психологов с человека (его субъективных сил — инстинктов и эмоций — навязывающих определенный способ поведения) на поведение (регулируемое разумом) — его тип и социальные стимулы, его формирующие.

В рамках бихевиористской теории А. Басс выдвинул безмотивационную концепцию, согласно которой агрессию определил как «причинение вреда другому человеку», при этом абсолютно игнорируя субъективные стороны агрессии (намерение). Он указывал, что намерение было бы трудно оценить объективно; ведь, нападая на кого-либо, агрессоры нередко представляют свои цели ложным образом, и даже если бы они хотели остаться верными истине, то могут оказаться не в состоянии определить, к чему же они стремились на самом деле [15]. Конечно, бывают случаи, когда человек не может сам себе объяснить для чего и тем более ради чего он вел себя определенным образом. Но в таких случаях ошибочно называть поведение безмотивным, мотивы присутствуют всегда, не всегда осознаются глубинные, находящиеся в бессознательных пластах психики, мотивы. В приведенном Бассом примере поведение детерминировано как раз бессознательными мотивами. В основе же любого мотива лежат модификации как социально, так и биологически обусловленных потребностей. Поэтому, во-первых, неверно слишком расширенное понимание агрессии, при котором к ней относится любое поведение, причиняющее вред другому человеку, вне зависимости от его мотивационной основы. Во-вторых, в целом бихевиористское объяснение поведения человека лишь совокупностью реакций организма на стимулы внешней среды неверно, так как изначально жизненно важные механизмы заложены в человеке от рождения и принимают участие в регулировании (мотивации) поведения — либо под контролем сознания, либо на бессознательном уровне.

Э. Фромм ограничивает нанесение ущерба (возможность его нанесения) не из злых намерений — псевдоагрессию — от форм истинной агрессии. Так, к видам псевдоагрессии он относит непреднамеренную агрессию (случайное ранение человека в результате непроизвольного выстрела при провер-

ке револьвера), ирровую агрессию (убийство противника при сражении на мечях в дзэн-буддизме, которое является результатом не ненависти и желания мастера дзэн убить противника, а «неудачным выбором места»), агрессию как самоутверждение (необходимая готовность к решимости, к прорыву, настойчивость и неустранимость перед лицом трудностей и препятствий, целью которой является не нанесение ущерба, а облегчение достижения любой цели — нужна хирургу во время операции, альпинисту при подъеме на гору, генералу для активных действий, солдату для атаки) [13. — С. 244—252].

Теория общего агрессивного драйва представляет агрессию как очень широкий спектр поведенческих актов, включающих и немотивированное нападение на другого человека, и стремление к независимости, и энергичное отстаивание собственного мнения. Так, А. Сторр понимает под агрессией в том числе «основу интеллектуальных достижений, утверждения независимости и даже собственного достоинства, которое дает человеку возможность высоко держать голову, находясь среди других людей» [20]. Поэтому к агрессивной личности сторонники теории общего агрессивного драйва относят продавца, который настойчиво и энергично старается продать товар.

К настоящему времени наиболее распространенным и разделяемым большинством исследователей агрессии является понимание социальной детерминированности агрессии. Полагаем, что проявление биологически заложенного импульса к защитной агрессии, а также возникновение в человеке и проявление агрессии иной природы (возникновение и проявление агрессии из стремления обогащения, из ревности; проявление импульса полностью подчинить другого своей власти (господствовать над жизнью), который коренится в глубинной подструктуре личности в силу архетипических механизмов) связано с социальными факторами.

Вместе с тем внутри указанного, разделяемого большинством специалистов понимания агрессии существуют разные точки зрения по существенным вопросам. Прежде чем обратиться к ним, следует отметить, что формы агрессии весьма разнообразны: сновидения, галлюцинации, бред, фантазии, поведение. Они могут быть как осознанными, так и неосознанными. Так, ответная реакция на угрозу жизни (атака или бегство) возникает бессознательно, под действием несознаваемых биологических механизмов. Но в то же время, как указывают М.И. Енишеев и О.Л. Кочетков, «программа поведения человека, будучи биологически обусловленной, не автономна — она находится под контролем более высоких и более поздно сформированных мозговых структур» [7. — С. 173] (за исключением отдельных критических ситуаций, например состояния аффекта). Отсюда агрессивный импульс, зачастую неосознаваемый индивидом, детерминирует

поведение (сны, фантазии и т.д.), соответствующее направленности личности. В аспекте криминологического исследования нас в наибольшей степени интересует поведенческое проявление агрессии.

Общепризнанно, что агрессия всегда связана с вредом (или опасностью его причинения). В отношении других, принципиальных для понимания агрессии характеристик, мнения ученых расходятся.

К таким характеристикам относятся:

1. Объект (предмет) агрессии. В широком понимании объектами агрессии признают другого человека, животное, неживой предмет (Фромм [13. — С. 242], Еникеев совместно с Кочетковым [7. — С. 5]). Только живых существ к объекту агрессии относят Р. Бэрон и Д. Ричардсон [6. — С. 30]. Л. Берковиц допускает агрессию, направленную только на другое лицо [5. — С. 32]. Дополнительно к этому Бэрон и Ричардсон обязательным признаком объекта агрессии называют мотивированность жертвы избегать подобного с собой обращения [6. — С. 53]. Но тогда исключается агрессия в отношении, например, психически нездоровых людей или малолетних, которые в силу особенностей своей психики (знаний) не понимают характера осуществляемых в отношении них действий (бездействия); либо лица, находящегося в состоянии сильного опьянения, не чувствующего физического вреда. В данном случае главное, что вред, особенно физический, объективен и именно он является целью агрессора. Лишь в случае садистского проявления агрессии главное — страдания жертвы, а значит, ее мотивированность избегать жестокого с ней обращения.

Для того чтобы определить объект агрессивного поведения, нужно обратиться к мотивации такого поведения. Если речь идет о сознательном поведении, то оно всегда будет целенаправленно, значит, агрессия всегда будет преследовать цель нанесения вреда. Нанесение вреда камню бессмысленно; сжигание дома (своего или чужого) без причины причинения при этом кому-то какого-либо вреда психически здоровым человеком невозможно. Но через неживые предметы может быть опосредована агрессия в отношении живого существа. Так, при невозможности (как по объективным, так и по субъективным причинам) прямой разрядки агрессии в отношении человека (животного) происходит смещение агрессии (осознанно или неосознанно) на неживой предмет. Например, испытывая ненависть к соседу, неприятель краской обливает дверь в его квартиру. В этом случае агрессия по отношению к соседу осознанно перенесена на его дверь, тем самым причиняя соседу психический вред. Поэтому считаем, что в целом объектами агрессии могут быть как живые существа, так и неживые предметы. При этом агрессия психически

здоровых людей через неживые объекты опосредуется, будучи направленной на причинение психологического вреда человеку (обществу). Агрессия психически нездоровых в принципе может быть направлена помимо одушевленных объектов на неодушевленные.

2. Характер вреда (ущерба). Исходя из различий в объекте агрессии различается, какой вред причиняется агрессором. Так, принимая за объект агрессии только живое существо, предполагается возможность нанесения только физического или психического вреда. В нашем же, широком понимании объекта агрессии допускаем помимо физического или психического вреда, наносимого живым объектам, ущерб (разрушение) — в отношении неживого объекта.

3. Формы поведенческих актов — действие или бездействие. Фромм в определении агрессии указывает только на действия. Другие авторы [5, 6, 7] определяют агрессию через поведение. Полагаем верным агрессией называть поведение, включающее в себя как действия, так и бездействия. В случае, если человек желает смерти другому лицу и оказывается в ситуации, когда второму жизненно необходима помощь (например, он тонет), а первый ее умышленно не оказывает, то он своим бездействием (неоказанием помощи) реализует намерение убить этого человека и тем самым проявляет агрессию. Следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи выделяют такие формы проявления агрессии, как агрессия-перенос, агрессия — высвобождение от отрицательных эмоций, агрессия — выражение протеста, агрессия — проявление садизма и мазохизма [7. — С. 217]. Агрессия может быть физической или вербальной (угрозы, ругань).

4. Намеренность агрессии. Большинство исследователей верно указывают, что агрессия всегда намеренна [5, 6, 13]. О несостоятельности безмотивационной концепции Басса, игнорирующей субъективную сторону агрессии, объясняя это тем, что намерение трудно оценить объективно, написано выше. Агрессия всегда мотивирована намерением причинить вред. Агрессор всегда желает нанести вред объекту агрессии. Агрессия целенаправленна. Случайные действия, причинившие вред (например, когда спешащий человек, не замечая другого, случайно наталкивается на него и причиняет физический вред), агрессией не являются. Но следует отметить, что агрессия не всегда умышленна. Намерение причинить вред может быть как осознанным, так и неосознанным. Поэтому агрессия может быть как сознательной (тогда умышленной), так и бессознательной. В свою очередь, преступно насилие, только совершенное сознательно, а значит, уголовно-наказуемое насилие всегда умышленно.

5. Цель. Правы те авторы [5, 6], которые определяют цель агрессии как причинение вреда объекту. Но есть и другие точки зрения. Так, Дж. Паттерсон и Дж. Тедешки считают, что целью агрессии является грубая попытка принуждения, в частности, например, заставить других перестать делать то, что их раздражает [19, 21]. Д. Финкельхор целью агрессии считает власть и доминирование; агрессор стремится утвердить в отношениях с жертвой собственные доминирующие позиции; объясняет Финкельхор это тем, что более сильные стремятся посредством силы сохранить свое доминирующее положение [18. — С. 77]. Но стремление управлять поведением другого, стремление доминирования указывают на многообразие мотивов, которые могут лежать в основе агрессивного поведения. Разнообразны побуждения, лежащие в основе агрессивного поведения, но цель всех этих побуждений одна — причинение вреда. Так, садизм осуществляется ради господства над жертвой, стремления причинять ей страдания, для причинения ей физического вреда; заказное убийство совершается уже ради материального обогащения, но также для причинения физического вреда, а именно убийства; убийство из мести осуществляется ради компенсации потери либо ради соответствия обществу посредством выполнения национальной традиции («обязанности»), групповой солидарности, и опять для убийства. То есть побуждаемое разными мотивами агрессивное поведение имеет единую цель — причинение вреда.

В зависимости от того, является ли вред самоцелью (садизм) или посредством достижения данной цели преследуется другая цель (например, обогащения при заказном убийстве), различают враждебную (эмоциональную) и инструментальную агрессию [5. — С. 32—35; 6. — С. 31, 32]. М.И. Еникеев и О.Л. Кочетков к инструментальной и враждебной агрессии справедливо добавляют вид аутоагрессии — самообвинение, самоунижение, нанесение себе телесных повреждений, суицид [7. — С. 5, 6]. Противоположного мнения, отрицающего, что действия, целью которых является причинение самому себе вреда, могут признаваться одним из видов агрессии (аутоагрессией), придерживаются Бэрон и Ричардсон, обосновывая это тем, что агрессия, по их мнению, может затрагивать только реципиента, стремящегося избежать нападения [6. — С. 30].

Поэтому мы не можем согласиться с выделенными тремя уровнями агрессии, предложенными Т.Н. Курбатовой на основе психологической организации человека с агрессивным поведением. Ею определены личностный, субъектно-деятельностный и индивидуальный уровни агрессии. Личностный уровень агрессии связан с мотивационной сферой, самосознанием и проявляется в

предпочтении насильственных способов достижения целей. Субъектно-деятельностный уровень связан со стремлением к достижению успеха, цели, ответной реакцией на угрозу, он проявляется в привычном стиле поведения. Индивидуальный уровень релевантен биологической основе человека и состоит в защите себя, потомства, имущества [10. — С. 27, 28]. Тем самым можно сказать, что Курбатова выделила инструментальную агрессию, агрессию как самоутверждение и защитную (биологически обусловленную) агрессию, соответственно трем указанным ею уровням. Однако ее представление структуры агрессии не учитывает агрессию, мотивация которой состоит в получении удовольствия от причинения страданий или от причинения смерти, т.е. в которой насилие является самоцелью (враждебная агрессия). Кроме того, для субъектно-деятельностного уровня указана характеристика ответной реакции на угрозу и для индивидуального уровня указан признак защиты себя, потомства, имущества. Как представляется, ответная реакция на угрозу и составляет защиту. Отсюда отсутствие четкого разграничения этих двух уровней агрессии. В то же время агрессия Курбатовой рассматривается излишне широко, поскольку включает агрессию как самоутверждение. Но последнюю нельзя отнести в принципе к агрессии, поскольку для агрессора обязательно намерение причинения вреда, в то время как, например, для хирурга, деятельность которого требует от него смелости и решительности, единственно возможное намерение — избежание вреда.

Таким образом, под агрессией следует понимать намеренное воздействие (или его игнорирование) на живые или неживые объекты с целью причинения им ущерба.

Как было указано, при единой цели нанесения ущерба различны мотивы, на это побуждающие. Поэтому различается смысловое наполнение форм и проявлений агрессии. Так, в зависимости от того, побуждается агрессивное поведение стремлением защиты (устранение опасности или ее причины) или стремлением разрушения (деструктивность и жестокость) Фромм различает доброкачественную и злокачественную агрессию. Доброкачественная, оборонительная агрессия — общая и для человека, и для животных — это филогенетически [13. — С. 24] заложенный импульс к атаке (или к бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни. Доброкачественная агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Злокачественная агрессия — это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих; она не

имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели [13. — С. 23, 24]. Злокачественная агрессия это специфически человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать.

Крайней формой проявления агрессии является агрессивное поведение — насилие. По степени интенсивности агрессивное поведение, а значит, насилие, может варьироваться от демонстрации неприязни до словесных оскорблений, применения грубой физической силы. Берковиц использует термин насилие «только в отношении крайней формы агрессии, намеренного стремления причинить серьезный физический ущерб другому лицу» [5. — С. 32]. Однако его понимание насилия несколько ограничено. Так, во-первых, для признания поведения агрессивным (а значит, и насильственным) не имеет значения степень («серьезность», как указывает Берковиц) причиняемого вреда. Лишь при признании насилия уголовно- или административно-наказуемым необходимо установить определенную тяжесть вреда. Во-вторых, ущерб вследствие насилия, как и вследствие агрессии, может быть не только физическим, но и психическим. Поэтому более верно определение насилия, данное Антоном, как физического или психического воздействия на кого-то, нанесения ему вреда ради собственных интересов либо такого воздействия, при котором возможное нанесение вреда игнорируется [2. — С. 268]. Таким образом, насилие агрессивно всегда, это поведенческий вариант проявления агрессии. Наиболее общественно опасное насилие уголовно-наказуемо. Отсюда используемое специалистами понятие криминальной агрессии [9]. Преступным является умышленное насилие.

Следует отличать понятие агрессивности от понятия агрессии. Существуют различные определения термина «агрессивность». Так, Еникеев и Кочетков определяют агрессивность как «устойчивое стремление индивида нанести другому человеку физический или психотравмирующий вред, ущерб» [7. — С. 217]. Согласно данному определению, агрессивность — это признак, характеризующий человека. Также названные авторы указывают, что агрессивность может быть устойчивой чертой личности. Отсюда они справедливо допускают наряду с агрессивностью как устойчивой чертой личности агрессивность в качестве временной характеристики человека, свойственной ему в определенный момент и не являющейся для него постоянным состоянием, перерастающим в свойство личности. В проблемной ситуации, в которой лицо, не обладающее predisposing к агрессии свойствами, поступит без применения насилия, агрессивная личность его применит. Поэтому мы согласны с

Бэроном и Ричардсон в том, что существуют потенциальные агрессоры, исходя из свойственности им определенных черт характера, обуславливающих склонность к агрессии, — тех личностных черт, индивидуальных установок и склонностей, которые остаются неизменными вне зависимости от ситуации. К таким чертам, аффектирующим агрессивное поведение, названные авторы относят (имеются в виду характеристики «нормальных» людей, то есть не страдающих явной психопатологией): боязнь общественного неодобрения, раздражительность, тенденцию усматривать враждебность в чужих действиях, убежденность индивидуума в том, что он в любой ситуации остается хозяином своей судьбы, склонность испытывать чувство стыда, а не вины во многих ситуациях [6. — С. 225].

Аналогичное по сути понимание агрессивности как свойства личности, заключающегося в наличии определенных, predisposing к агрессивным формам поведения черт, представлено А.Р. Ратиновым. Агрессивность он определяет как личностную позицию, свойство личности, заключающееся в наличии деструктивных тенденций (диспозиций) в области субъектно-субъектных отношений, готовности и предпочтения использования насильственных средств для реализации своих целей [11. — С. 5].

Берковиц под агрессивностью также понимает качество, характерное для человека, причем именно уровня свойства личности. Он определяет агрессивность как «относительно стабильную готовность к агрессивным действиям в самых разных ситуациях»; «предрасположенность к агрессивному поведению» [5. — С. 44]. Агрессивными Берковиц называет людей, для которых характерно часто видеть угрозы и вызовы со стороны других людей, готовность атаковать тех, кто им не нравится, враждебная установка к другим людям.

Агрессивность как качество человека рассматривал и Фромм. Наряду с понятием инстинкта, обозначающим естественные влечения, которые коренятся в физиологических потребностях, он выделил понятие характера, указывающего на специфические человеческие страсти, коренящиеся в характере. Характер — это «вторая натура» человека, замена для его слаборазвитых инстинктов. Человеческие страсти соответствуют экзистенциальным потребностям человека, последние же — специфическим условиям человеческого существования. Социальные условия влияют на биологически заданную экзистенциальную ситуацию и возникающие в связи с этим потребности. В зависимости, плавным образом, от социальных условий человек при удовлетворении распространенной экзистенциальной потребности — в «воздействии» на кого-либо — будет движим либо любовью, либо страстью к разрушению [13. — С. 25, 26].

Степень агрессивности индивида — показатель уровня его социализированности: чем ниже уровень социализированности, тем выше уровень агрессивности индивида. Причем формирование агрессивности, как и укоренение в человеческой природе агрессии как коллективного бессознательного опыта, связано со стереотипным представлением личностью образа врага при условии доминирования у нее таких устойчивых асоциальных качеств, как злобность, жестокость, эмпатия, аутизм, дефекты социальной идентификации. Агрессивность может нарастать по механизму суммации, накопления чувств.

Агрессивность может выступать характеристикой не только отдельной личности, но и группы лиц. Так, по механизму психического заражения либо в силу групповой солидарности, либо в силу следования призывам лидера группы агрессивность личности может перерасти в агрессивность группы, межличностная агрессивность может превращаться в межгрупповую. Так, лица, ранее не имевшие склонности к агрессивному поведению при включении в группу агрессивной направленности сами приобретают черты состоящих в группе индивидов. Причем в прямой пропорциональной зависимости от степени своей заинтересованности в участии в такой группе. Кроме того, различные уровни агрессивности отмечаются у различных категорий преступников — корыстных и насильственных [8. — С. 100—110].

В силу аналогичных психологических механизмов, характерных для распространения групповой агрессивности, появляется агрессивность в масштабах нации, государства, идеологии. Например, немецкая нация, гитлеровская Германия и национал-социалистическая идеология. В период руководства страной Гитлера немцы были глубоко (идеологически) убеждены в превосходстве своей нации, а отсюда в возможности существования других наций лишь в качестве ресурсов, обеспечивающих жизнь немцев; а в отношении евреев — вовсе как нации, представляющей опасность для Германии и, следовательно, надлежащей быть истребленной. Агрессия в масштабах государства на примере гитлеровской Германии характеризуется тем, что государство преследовало цель разрушения остальных государств.

История человеческого существования, особенно сопровождавшегося крайними формами агрессивного поведения — войнами, кровавыми революциями, позволяет вести речь об эпохах, характеризующихся признаком агрессии. К такой эпохе можно отнести XX век с самым многочисленным числом войн, сменявших друг друга, и революций.

Изложенное позволяет заключить, что агрессия представляет собой намеренное воздействие (или его игнорирование) на живые или неживые объекты с целью причинения им вреда. Проявление биологически заложенной, а также появление иной, не связанной с ней,

агрессии, обусловлено социальными факторами, в том числе архетипическими механизмами психики. Крайней формой агрессии, опасной для общества, выступает агрессивное поведение — насилие. Отдельная личность, группа, нация, государство, идеология, эпоха могут характеризоваться устойчивым свойством агрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. — М.: Вече, 2009.
2. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. — М.: Юрайт, 2012.
3. Антонян Ю.М. Миф и вечность. — М.: Логос, 2001.
4. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. — М.: Вече, 2009. С. 61.
5. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
6. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер, 2000.
7. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология: краткий энциклопедический словарь. — М.: Юрид. лит., 1997.
8. Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования. — М., 1979.
9. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
10. Курбатова Т.Н. Структурный анализ агрессии // Б.Г. Афанасьев и ленинградская школа в развитии современной психологии. — СПб., 1995.
11. Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / под ред. А.Р. Ратинова (отв. ред.), С.Б. Климова, М.М. Коченова и др. — М., 1990.
12. Фрейд З. Я и Оно: труды разных лет. — Тбилиси, 1991. — Т. 1.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. — М.: АСТ: Астрель, 2010.
14. Юнг К. Проблемы души нашего времени. — М., 1993.
15. Buss A.H. The Psychology of Aggression. — New York—London, 1961
16. Darwin C.R. The expression of emotions in man and animals. — London, 1872.
17. Lorenz K. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression. — Wien, 1963.
18. Pagelow M.D. Family violence. — New York: Praeger.
19. Patterson G.R. A performance theory for coercive family interactions. In R. Cairns (Ed.), Social interaction: Methods, analysis, and illustration. — Hillsdale; N.J.: Erlbaum, 1979.
20. Storr A. Human aggression. — New York: Atheneum, 1968.

21. Tedeschi J.T. Social influence theory and aggression. In R.G. Geen and E.I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. Vol. 1. — New York: Academic Press.